УДК 398:81'42(=352.3)
ББК 82.3(2=Ады)
П 22

Паштова М.М.
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры черкесского языка и литературы отделения кавказских языков и культур университета Эрджиес (г. Кайсери, Турция), e-mail: mazako71@gmail.com

Стереотипные устные тексты об имущественных отношениях в локальной фольклорной традиции

(Рецензирована)

Аннотация:
На материале стереотипных текстов одного из крупных черкесских анклавов Турции (Узун-Яйла) рассматриваются устные экспликации культуры экономических отношений – тексты об имуществе в фольклорном дискурсе, актуализирующие материальные ценности (деньги, золото, скот, земля и др.) как ресурс власти, маркер социальной (в некоторых случаях – этнокультурной) идентичности, как этический и социорегулятивный инструмент. В заявленных аспектах фольклор черкесской диаспоры рассматривается впервые. Материал собран методом глубинного интервью и включенного наблюдения в анклаве Узун-Яйла (Центральная Анатолия), насчитывающем 67 черкесских селений. Выявляются стереотипные представления о деньгах и имуществе и основные стратегии их актуализации; анализируются социально-коммуникативные условия и механизмы трансформации этих представлений в отдельно взятой локальной традиции; определяются прагматические функции исследуемых текстов. Анализ позволил прийти к выводу о том, что стереотипные устные тексты о деньгах и имуществе, с одной стороны, репрезентируют традиционное (феодально-рыцарское), отрицающее отношение к коммерции, с другой – тексты формируют понимание необходимости освоения культуры денег для успешной деятельности в современном урбанизированном обществе. Важным является также вывод о том, что исследуемые тексты (в частности, мемораты о кризисных событиях прошлого века), актуализируют в коллективной памяти ряд традиционных этнокультурных ценностей.

Ключевые слова:
Черкесы, адыгэ, диаспора, Узун-Яйла, антропология денег, фольклор, локальная традиция.

Pashtova M.M.
Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Circassian Language and Literature, Department of Caucasus Languages and Cultures, University of Erciyes (Kayseri, Turkey), e-mail: mazako71@gmail.com

Stereotypical oral texts on property relations in the local folklore tradition

Abstract:
The material of stereotypical texts of one of the major Circassian enclaves of Turkey (Uzun Yayla) is used to study oral explications of the culture of economic relations - texts about property in folklore discourse, actualizing material values

(money, gold, livestock, land, etc.) as a resource of power, a marker of social (in some cases - ethnocultural) identity, as an ethical and socio-regulatory tool. The folklore of the Circassian diaspora in the claimed aspects is considered for the first time. The material is collected by deep interview and included observation in the enclave of Uzun Yayla (Central Anatolia), consisting of 67 Circassian villages. The author identifies stereotypical perceptions of money and property and key mainstreaming strategies of their actualization, analyzes the socio-communicative conditions and mechanisms of transformation of these perceptions in a particular local tradition, and defines pragmatic functions of studied texts. The analysis made it possible to draw a conclusion that stereotypical oral texts about money and property, on the one hand, represent the traditional (feudal-chivalry), commerce-denying attitude, and, on the other, the texts form an understanding of the need to master the culture of money for success in today's urbanized society. Also important is the conclusion that the studied texts (in particular, memorates about the crisis events of the last century), actualize a number of traditional ethnocultural values in collective memory.

Keywords:

Circassians, Adyghes, diaspora, Uzun Yayla, anthropology of money, folklore, local tradition.

Первым обобщающим источником о черкесской торговле явился труд французского торгового консула в Крыму Карла Пейсонеля (сер. XVIII в.) [1]. Позже, в том числе и в настоящее время, вышли в свет ряд работ, посвященных данной проблематике, преимущественно в историческом и экономическом аспектах, о чем обстоятельно пишет в своей монографии Т.А. Дзуганов [2: 4, 5].

В своей работе, посвященной политике памяти, японский исследователь Э. Миядзава отмечает роль денег при исследовании функционирования в Узун-Яйле тех или иных социальных институций [3]. Специальных работ, рассматривающих культуру торгово-денежных и имущественных отношений черкесов в фольклорно-антропологическом или языковом аспектах, в контексте экономических практик отдельных черкесских анклавов до настоящего времени не существует.

Стереотипные тексты о деньгах, зафиксированные нами в фольклорном дискурсе диаспорного анклава Узун-Яйла, объединены двумя основными идеями. С одной стороны, «деньги – это не наше, не адыгское»: деньги представляют собой ценный ресурс, якобы не до конца черкесами освоенный; только небольшая часть их научилась, как правильно обращаться с деньгами, откладывать их, копить, одалживать и возвращать долги. Большие деньги – это не только экономический риск, но и этический: *иужьк1э зыгъуэтам тхьэм сыщихъумэ* – «да защитит меня бог от не имевшего ничего и быстро разбогатевшего». Сюда же относится как «героическое» (в ироническом смысле) добывание и легкая растрата (раздаривание, проматывание) денег, так и вероятность «потери рассудка» (букв.: 'опьянения') от больших, неожиданно приобретенных денег.

С другой стороны, в устных текстах актуализируется понимание того, что навыки обращения с имуществом есть непреложный атрибут статуса потомственных аристократов. И в символическом противопоставлении денег имуществу в виде земли, лошадей, скота становится наиболее очевидной амбивалентность восприятия денег старшим поколением черкесов Узун-Яйлы. Очевидно, что мы имеем рудимент рыцарской концептосферы, отрицающей занятие торговлей, но не исключающей акты добычи, обмена и дара.

Итальянский путешественник Джорджио Интериано в своей книге, изданной в 1502 г., пишет в этой связи: «Они держатся того мнения,

что никто не должен считаться благородным, если о нем имеются слухи, что он когда-либо занимался недостойным делом, хотя бы то был [человек] из самого древнего, даже царского рода. Они хотят, чтобы дворяне не занимались никакими торговыми делами, исключая продажи своей добычи, говоря – благородному подобает лишь править своим народом и защищать его» [4: 48].

Социально-классовые трансформации, происходившие внутри узун-яйлинской общины в течение XX в., связаны как с государственными реформами Ататюрка 1934 г., так и с внутриобщинным кризисом. В исследуемой локальной традиции экономической основой власти аристократии практически до середины XX в. являлось коневодство. Миграционный трафик, по которому шли предки узуняйлинцев в XIX в. (сухопутный, через Карс), а также выбор в качестве места поселения высокого (1500 м над уровнем моря) плато *Uzunyayla* в Центральной Анатолии были обусловлены этим видом хозяйственной деятельности – разведением кабардинской породы лошадей.

С того времени, когда кавалерия как род войск сошла с мировой арены, и турецкое правительство прекратило закупки лошадей у черкесских коннозаводчиков, экономическое положение узуняйлинцев существенно пошатнулось. Новые экономические условия требовали умения обращаться с имуществом и преумножать его, в том числе посредством денежного обмена. К середине XX в. небольшой прослойке узуняйлинской элиты удалось сохранить и преумножить наследственный капитал теперь уже посредством коммерческой деятельности. Городок Пынарбаши, районный центр Узун-Яйлы, и по настоящее время является местом торговли. В нескольких кварталах этого городка в 1960-е гг. сформировался особый социальный класс. Турки называли жителей этих черкесских кварталов *беяз черкеслер* (букв.: белые черкесы). В речи самих черкесов это название до сих пор носит легкий ироничный оттенок. В том числе, видимо, и потому, что между отрицающим отношением психологии рыцарства к деньгам и новым видом деятельности представителей черкесской элиты существовал скрытый диссонанс. А также потому, что значительная часть узун-яйлинского дворянства так и не освоила, по их же мнению, культуру денег.

На этом фоне свободные крестьяне и незнатные уорки, которые имели опыт и навыки хозяйствования, обработки земли и разведения скота, и не были особо связаны этическими предрассудками, стали постепенно накапливать капитал и легче интегрировались в новую для черкесов городскую среду.

После упадка коневодства во второй пол. XX в. приоритетным видом животноводства в Узун-Яйле становится овцеводство. Поддержание традиционных видов контактной коммуникации и горизонтальных социальных связей через мужские гостиные дома было возможным, в первую очередь, благодаря этому виду хозяйственной деятельности. В рефлективах о роли имущества в функционировании *Адыгэ Хабзэ* (адыгского этикета, образа жизни), поддержании «благородного» статуса главы семьи и всей фамилии, непременно упоминается такая важная составляющая, как гостеприимство, умение и желание содержать «всегда открытый» гостиный дом. Наряду с тем, что из запасов фуража осенью отделялась часть «для лошади гостя» (*хьэщ1э1ус арпэ*; букв.: ‘гостевой пищи ячмень’), топливо (керосин и кизяк) для освещения и обогрева кунацкой, из продовольственных запасов семьи выделялся провиант для угощения гостей (мука, сыр, сушеное мясо). На эти же цели шла часть живого поголовья: *по весне от отары сразу отсекали молодых баранов на застолья в гостином доме* [5].

Как можно понять из устных рассказов, в 1960-70-е гг. поддержание института гостиного дома продолжало осуществляться в основном за счет внутренних, сельскохозяйственных экономических ресурсов. Противоречия перехода от аграрного уклада к урбанизированному актуализируются в устных текстах, символически противопоставляющих два разных типа гостевого угощения: жертвенного барана и чашки кофе. В ходе полевых записей в качестве «ключа» для разворачивания беседы на тему денег мы рассказывали, как одного из наших информантов, почти столетнего старика, родившегося в соседней с Узун-Яйлой провинции, всю жизнь занимавшегося коммерцией, в свое время поучал его отец: «Заботься о своем кисете и не надейся на чужой. Узуняйлинцы глупы – режут целого барана для одного гостя, а в городе не могут заплатить за чашку кофе. В то время как ценой одного барана можно угостить кофе сорок человек» [6]. Немного смутившись таким прагматизмом, граничащим, на их взгляд, с циничностью, узун-яйлинские старики тут же начинали утверждать обратное: адыгство (т.е. благородство, мужество) состоит прежде всего в гостеприимстве. И одним из главных качеств благородного человека многие из них называли в первую очередь щедрость: *шыгъуп1астэк1э ф1ыр* (на соль-пасту [7] щедрый).

Характерный для диаспорного фольклора жанровый цикл, система мифологических мотивов которого сложилась под влиянием восточных традиций, – кладоискательские комические истории (о мифологических представлениях и ритуальных практиках, связанных с деньгами см.: [8]). В ткань подобного рассказа непременно вплетается мотив охраны клада джинном (*дыщэм тет иIэмэ...*), под воздействием чар которого создается визуальный обман – золото видится копателям луковой шелухой (*бжьыныфэу къурегъэлъагъу*) или соломой. После прочтения специальной молитвы и окропления кувшина с кладом кровью жертвенного петуха (черного или белого оперения), луковая шелуха или солома вновь превращаются в золото.

Тексты о кладоискателях условно можно разделить на две категории: о якобы нашедших золото (прокутивших и оставшихся без гроша, или, наоборот, преумноживших найденное богатство) и неудачниках, всю жизнь потративших на поиски золота (сюжеты о розыгрышах друзей, подкладывающих «сокровища» в раскопы и т.п.). Сюда же относятся истории, подобные той, в которой рассказывается, как отец информантки проучил своих друзей, бросивших все хозяйственные дела и занимавшихся поисками кладов: сообщив им, что знает, где можно откопать много золота, вооружив их лопатами и другим инвентарем, он под всеобщее обозрение отвел их к зданию банка в центре города и сказал укоризненно: «Копайте теперь!» [9].

Основным морализирующим мотивом комических историй о безуспешных многолетних поисках кладов являются слова другой рассказчицы, которыми она выражает иллюзорность надежд кладоискателей и необходимость рассчитывания только на собственный труд: *Хэтыр дыщэ йот1э, дэ гъащ1эм дет1эурэ, дет1эурэ къэтхьас* – «Кто-то окапывает клады, а мы окапывали и окапывали жизнь» [10].

Отдельную стратегию формирует универсальное, общее для многих этнических и религиозных культур, представление о том, что богатство заканчивается быстро и не является непреходящей ценностью. Оно актуализируется в известном «общеадыгском» присловье *мылъкур уэсэпсщ* – «богатство – роса». Мотив условной ценности денег присутствует в узуняйлинских сюжетах о голодном 1949 годе. Например, в истории о том, как один из состоятельных людей,

оказавшись в отчаянном положении, высыпал в корыто ревущим от голода овцам золотые монеты:

Гъэмахуэм уэс къесс абими, кърахьэл1эн ямыгъуэтыжу, былымым ирагъэшхын ямыгъуэтыжу, семэни гуэдзи зыри ямы1ыжу а гъэм, псори зэтел1ас, зыкъэмынэ яухас. Ягъэн Албуз ядэм дыщэр тэнэк'эк1э къихьс абими, кхъуафэм дик1утас, жи. Мэлhэр зэщ1огъуагэ зыкъэмынэ, шхын щхьэ мал1э былымыр, арщхьэк1э къащэхуну ягъуэты1ым. Апщыгъуэ мыгъуэ, жи, ныk1и гъуэгыу, ныk1и мыстыр къихьс аби, дыщэр, «сыт мыгъуэр сщ1эн, – жи1ас, жи, – дыщэ фшхыуэ щытатэмэ, фэзгъэшхынут». Ямы1эурэ а гъэм куэд зэтел1эс абими...

< – Ар т1ощ1ит1рэ ебгъуанэхэрат?>

– Арас, апщыгъуэhэм дей. Си гуащэр а гъэм къашау, дэhэ и унэшэр ямыщ1ауэ апхуэдэ<т> [10]. –

«Летом пошел снег, и не находили, что принести <в дом>, чем кормить скот, ни сена, ни пшеницы не осталось в тот год, весь скот вымер, все закончилось. Отец Альбуза Ягана принес золото в жестяной канистре и высыпал в корыто, *жи* [11]. Овцы все до одной вопят, скот мрет от голода, но и купить им негде. Тогда, бедный, *жи*, плача принес золото, «что же мне делать, – сказал, – если бы вы могли есть золото, накормил бы». От голода в тот год много скота пало...

< – Это в сорок девятом примерно?>

– Да, тогда, примерно. Свекровь мою в тот год привезли, но еще не сделали унаише» [12].

Как видим, деньги в фольклорном дискурсе локальной диаспорной традиции, существовавшей достаточно долгое время изолированно от внешнего мира и удаленно от исторической территории, могут выступать в качестве категории не столько экономической, сколько культурной. Фиксация и классификация устных текстов об имуществе, выявление их прагматических функций должны быть соотнесены с социально-историческим контекстом их бытования. Таких функций мы можем отметить несколько:

– адаптивная функция: на этапе перехода от традиционно-сельского уклада к городскому, от ценностей дворянского (рыцарского) образа жизни к социально-коммуникативным навыкам, диктуемым современным миром, устные тексты о деньгах, бытующие в пространстве отдельного анклава, способствуют рефлексивному осмыслению сложных социально-экономических явлений, вырабатыванию форм адаптации к ним;

– идентификационная функция: отношение к материальным ценностям и деньгам – традиционно-стереотипное и вместе с тем меняющееся – идентифицирует личность рассказчика как представителя определенного социального класса или локальной этнокультурной традиции со своим особым укладом и экономической историей;

– социорегулятивная: тексты о деньгах поддерживают в коллективной памяти общины ценности морального кодекса *Адыгэ Хабзэ*, такие как человечность, эмпатия, уважительное отношение к труду и др., способствуя регуляции внутриобщинных (межличностных и межклассовых) отношений.

За рамками настоящей работы остаются другие формы бытования устных рассказов о деньгах и имуществе в узун-яйлинском фольклоре. Например, рефлективы о том, каким образом в начале XX в. узун-яйлинские зависимые крестьяне изыскивали средства и способы самовыкупа (*щхьэщэхуж*), каким образом устанавливалась, а затем была совсем отменена плата за невесту (*уасэ*), мемораты и комические истории о разъезжавших по черкесским селениям торговцах-менялах (*чарчы*), о традициях одалживания и возвращения, отсроченного платежа (*1эрылъхьэу-1эрымылъхьэу*), о

первых городских предпринимателях из среды черкесов, о том, как деньги представлены в традиционно-сельских и современных городских обрядовых практиках и многое другое. Подобные исследования представляются нам перспективными как в контексте сравнительно-сопоставительного описания отдельных локальных традиций черкесов на Кавказе и в диаспоре, так и изучения различных явлений экономической и социальной жизни, сложность которых обусловлена культурно и исторически.

Примечания:

1. Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII– XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 179-203.

2. Дзуганов Т.А. Очерки экономической истории Черкесии XV–XIX вв. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 136 с.

3. Eiji Miyazawa. Memory Politics: Circassians of Uzunyayla, Turkey. A dissertation submitted for the degree of PhD. Department of Anthropology and Sociology Faculty of Arts and Humanities School of Oriental and African Studies University of London. 204 p.

4. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43-52.

5. Зап. от Хаджи-Ахмеда Тоху, 1935 г.р., сел. Пазарсу (мал. Анзорей), р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М.М. Паштова. 2015.

6. Зап. от М. М., 1918 г.р., сел. Шеожхабле, р-н Гёксун, вил. Мараш. Соб. М.М. Паштова, Т. Тыгуж. 2015, Кайсери.

7. Паста – крутая каша из проса или кукурузы (в Узун-Яйле – из пшеничной крупы), употребляемая черкесами вместо хлеба. Соль-паста – формула, соответствующая русскому выражению хлеб-соль.

8. Фетиш и табу: антропология денег в России: сборник научных статей / сост. А.С. Архипова, Я. Фрухтманн. Москва: Объединенное гуманитарное издательство, 2013. 528 с.

9. Зап. от Мердие Курывэ, 1932 г.р., сел. Шипшхабле – Пынарбаши, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М.М. Паштова. 2015, Кайсери.

10. Зап. от Юксель Быркут, 1955 г.р., сел. Быркутей, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М.М. Паштова. 2015, Кайсери.

11. Жи – слово, часто повторяющееся в фольклорных (песенных, нарративных) текстах, с примерным значением «сказал», «говорит», «рассказывают».

12. Унаише (черк. унэишэ) – свадебный обряд ввода невесты в большой дом.

References:

1. Peyssonnell K. Tract on trade on the Black Sea // Adyghes, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th-19th centuries / ed. by V.K. Gardanov. Nalchik, 1974. P. 179-203.

2. Dzuganov T.A. Essays on the economic history of Circassia in 15th-19th centuries. Nalchik: Editorial and Publishing Department of IGI KBNTs of the RAS, 2018. 136 pp.

3. Eiji Miyazawa. Memory Politics: Circassians of Uzunyayla, Turkey. A dissertation submitted for the degree of PhD. Department of Anthropology and Sociology Faculty of Arts and Humanities School of Oriental and African Studies University of London. 204 pp.

4. Interiano G. Life and the country of Zikhs, called the Circassians. An interesting narrative // Adyghes, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th-19th centuries / Nalchik: Elbrus, 1974. P. 43-52.

5. Notes from Hadji Ahmed Tohu, born in 1935, the village of Pazarsu (small Anzorei), the region of Uzun-Yayla, vil. Kayseri. coll. by M.M. Pashtova. 2015.

6. Rec. from M.M., born in 1918, the village of Sheozhkhabl, the region of Gyoksun, vil. Marash. coll. by M.M. Pashtova, T. Tyguzh. 2015, Kayseri.

7. Pasta is a thick porridge from millet or corn (in Uzun-Yayla it is made from wheat groats), used by Circassians instead of bread. Salt-pasta is a formula corresponding to the Russian expression bread and salt.

8. Fetish and taboos: the anthropology of money in Russia: a collection of scientific articles / comp. by A.S. Arkhipova, Ya. Fruchtmann. Moscow: United Humanitarian Publishing House, 2013. 528 pp.

9. Notes from Merdie Kureve, born in 1932, the village of Shipshkhabl – Pynarbashi, the region of Uzun-Yayla, vil. Kayseri. Coll. by M.M. Pashtova. 2015, Kayseri.

10. Notes from Yuksel Birkut, born in 1955, the village of Byrkutey, the region of Uzun-Yayla, vil. Kayseri. Coll. by M.M. Pashtova. 2015, Kayseri.

11. Zhi is a word, often repeated in folklore (song, narrative) texts, with an approximate meaning of “said,” “says,” “they say”

12. Unaishe (Circassian Unaishe) is a wedding ceremony of entering the bride into a large house.